

Заметив, что Фан Цзычэнь не в духе, Чжао-гэр решил, будто его самовольный визит разозлил мужа или выставил его в дурном свете. Он долго стоял, понутив голову, и лишь спустя минуту решился заговорить:

— Мы крышу чинили, и дядя Лю не удержался — сорвался вниз. Весь в крови был: и голова, и нога. Мы у старосты вола с телегой одолжили, я вместе с тетушкой Лю и Чжоу-гэром повез его в город к лекарю. Тот осмотрел, сказал — ничего страшного. Вот я и... я и подумал заглянуть к тебе по пути.

Должно быть, дядя Лю наступил на скользкую от мха балку, вот нога и поехала.

— Фух! — Фан Цзычэнь с облегчением выдохнул. — Раз всё обошлось, то и слава богу. Напугал ты меня: я уж решил, дома что стряслось.

Юноша, всё еще не смея поднять глаз, тербил край одежды.

— Так ты... ты не сердись? — едва слышно пролепетал он.

Снаружи было шумно, мимо сновали люди, и Цзычэнь не разобрал его слов. Он знал: когда в деревне страда, о полноценном обеде никто и не помышляет. А тут еще несчастье с дядей Лю — наверняка они сорвались в город на пустой желудок. Фан Цзычэнь взял супруга за руку.

— Ты ведь еще не ел? Пойдем, куплю тебе мясных баоцзы.

Две монеты за штуку! Чжао-гэр тут же запротестовал:

— Не надо, не траться! Сейчас дяде Лю лекарство приложат, и мы сразу двинемся назад. Дома поем.

— Ты с самого рассвета на ногах, — отрезал Цзычэнь. — Пока доберешься, от голода в обморок упадешь. К тому же пара монет погоды мне не сделает.

Он настойчиво потащил супруга к лавке. Хозяин сообщил, что обычные маньтоу стоят по монете, а баоцзы с мясом — по две. Молодой господин Фан велел завернуть восемь штук, но, принимая сверток, помедлил и добавил:

— И еще четыре дайте.

Чжао-гэр дернул его за рукав:

— Куда столько? Нам и по одному бы хватило!

Фан Цзычэнь и слушать не желал:

— Вам четверым — по паре, а оставшиеся четыре отвезешь Гуай-цзаю и Лю-лю.

Делать нечего, пришлось юноше смириться. По дороге к лечебнице Цзычэнь протянул ему два еще горячих пирожка.

— Ешь давай, не то совсем ослабнешь.

Чжао-гэр принял угощение, чувствуя, как сердце наполняется щемящим теплом.

— А ты? Ты сам-то обедал?

— Давно уже.

Для человека, привыкшего к грубому рису и овощам, мясной баоцзы — деликатес из деликатесов. Он ел молча, борясь с подступившими к глазам слезами. С тех пор как его похитили и продали, он и вкуса-то мяса не помнил. В семье Ма царила нищета, но даже будь у них деньги — кто бы стал тратиться на него?

Там он был на правах дворовой собаки: доедал объедки, а если их не оставалось — затягивал пояс потуже. И вот теперь Фан Цзычэнь, невзирая на его протесты, купил ему это угощение, просто потому что не хотел, чтобы муж голодал.

У лечебницы на телеге лежал дядя Лю. Тетушка Лю и Чжоу-гэр ждали снаружи. Фан Цзычэнь вместе с супругом поспешил к ним.

— Дядя Лю, — окликнул он раненого, — как вы?

— Жить буду, — отозвался тот. — Кость зашиб, но лекарь мазь наложил, сказал — отлежусь и всё заживет. Ты-то чего прибежал? Смену бросил?

— Зашел Чжао-гэра проведать, да вот прихватил вам гостинцев, чтобы червячка заморить.

Тетушка Лю всполошилась, замахала руками:

— Ой, ну что ты! К чему такие траты? Мы до дома потерпим, заberi баоцзы назад.

— Я уже поел, а дома их всё равно никто сейчас не съест, — мягко настоял Фан Цзычэнь. — Чжао-гэр свои два уже умял, так что и вы угощайтесь. Не такие уж это великие деньги.

Женщина призадумалась. «Башня Пьяной Ночи» — заведение почтенное, говорят, простые официанты там по пятьсот-шестьсот монет в месяц имеют. А Фан Цзычэнь там счетоводом — жалованье небось за три ляна переваливает. Для такого человека дюжина монет и впрямь пустяк.

Но и злоупотреблять чужой добротой не хотелось. Вздохнув, она всё же приняла сверток.

— Спасибо тебе, сынок. Выручил.

— Не за что. Доброго вам пути и берегите дядю Лю, — Цзычэнь повернулся к мужу: — Ну, я побегу, работа ждет.

— Угу.

Когда Фан Цзычэнь вернулся в трактир, в зале оставалось всего три столика гостей. Управляющий Ян, выкроив свободную минуту, прищурился:

— Тот паренек у входа — твой фулан был?

— Он самый.

Дядя Ян припомнил облик Чжао-гэра и кивнул:

— С виду — сущий ангел. Смирный такой.

Цзычэнь лишь кивнул в ответ. Супруг и впрямь был миловиден: круглое личико, большие ясные глаза — со стороны он казался сущим ребенком, послушным и жизнерадостным. Но Фан Цзычэнь знал правду: за этой покорностью скрывалась замкнутость, а его хозяйственность и рассудительность были совсем не свойственны девятнадцатилетнему юноше.

— Видать, парень он простодушный, — продолжал управляющий. — А ты у нас малый с хитрецей, к тому же упрямый и амбициозный. Вы друг друга уравновешиваете — на таком дополнении семейная жизнь дольше всего и держится.

— Это я-то с хитрецей? — Фан Цзычэнь отложил книгу и серьезно посмотрел на собеседника. — Дядя Ян, вы меня с кем-то путаете.

— Я на этом свете не первый десяток лет живу, и десять из них — за этой стойкой. Народу

повидал — тьму, людей насквозь вижу. Зря не веришь. Вот взять хоть мою улочку, соседей через стенку. Оба — как порох: чуть что, искры летят. Лают с утра до ночи, а глотки такие, что псы надрываются. Нам всем покоя нет.

— Прямо каждый день? — усомнился Цзычэнь. — Неужели им всегда есть о чем спорить?

Он вот со своим фуланом еще ни разу не повздорил. Даже повода не находилось.

— Еще как! — дядя Ян вошел в раж. — По любому пустяку заводятся на полдня. Орут так, будто в лесу стоят, а не у себя в комнате.

— И что... никто не пытается их урезонить? — удивился Фан Цзычэнь. — Это же ни в какие ворота не лезет.

Управляющий, измученный годами такого соседства, лишь махнул рукой, продолжая сводить счета:

— Дураков нет. Как-то утром мой брат не выдержал, крикнул через забор: «Соседи, уймись уже! Сколько можно лаяться, житья от вас нет!» И что ты думаешь? Жена его тут же запустила к нам во двор тухлое яйцо, а потом еще полмесяца нас на чем свет стоит поносила. Люди из домов по соседству не выдержали — все съехали.

Цзычэнь сочувственно похлопал его по плечу:

— Дядя Ян, сочувствую вам... целых три секунды.

— Эх... — вздохнул тот. — Помню, как-то ночью только-только уснул — и снова за стенкой шум.

Это уже серьезно. Если даже среди ночи не унимаются — когда же они спят? Фан Цзычэнь, видя, как управляющему нужно выговориться, полюбопытствовал:

— Из-за чего на этот раз?

Дядя Ян замаялся, лицо его приобрело неопределенное выражение:

— Видать, как раз «делом» занимались. Вдруг слышу — баба как заорет: «Ты чего так сильно тычешь?! Убить меня вздумал?!» Я сразу с головой под одеяло нырнул. Такие вещи подслушивать — только уши марасть.

— Она что, настолько боевая? — Фан Цзычэнь опешил.

Времена нынче были строгие: даже невинное «искусственное дыхание» могло стоять репутации, а уж обсуждать постельные дела во всеуслышание — и вовсе неслыханная дерзость.

— Да уж, нрава она крутого, — подтвердил Ян. — Она дочь Ли Да, того, что на Северной улице свининой торгует. До замужества несколько лет вместе с отцом туши разделывала.

Фан Цзычэнь:

— ...

— Если она с тесаком на «ты», то муж ее — человек исключительной храбрости, раз решается с ней спорить.

— А чего ему бояться? — хмыкнул управляющий. — Пару лет назад по всему городу только и разговоров было, что о нем. Линь Сяося — тот самый герой, что тигра одолел.

Фан Цзычэнь:

— ...

Про подвиг Линь Сяося он слышал. Поговаривали, что тот герой был ростом в два метра, обладал недюжинной силой и размозжил голову тигру парой ударов кулака.

Кто знает, много ли в тех слухах правды, но если он и впрямь «победитель тигров», то его жену стоило бы наградить за отвагу. Не каждый рискнет перечить человеку, способному отправить в глубокий нокаут лесного хищника.

Вечером, когда смена закончилась и Фан Цзычэнь возвращался домой, он еще издали заметил знакомую фигурку. На обочине у въезда в деревню на корточках сидел Гуай-цзай, терпеливо дожидаясь отца.

<http://bllate.org/book/15357/1428108>